

В лес, на левый берег Донца, подаваться — тоже дурное дело. Он весь голый и нигде не спрячешься, не то что боевые действия вести. Вот и получается, как будто из огня да в полымя попали. Может, как-то само собой и обойдётся?

Но тщетны были такие надежды!

Казаки мало-помалу успокоились и жадно занялись подготовкой к предстоящей весне. Её-то никакая власть не в силах была отменить!

Общее состояние казаков в этот период можно было охарактеризовать одним словом — растерянность. От того, что так круто поменялась жизнь и появилась власть, которую никто из казаков не выбирал и потому вроде и не должен был её поддерживать. От того, что прекратилась война, которая занимала все мысли и чаяния в течение трёх с лишним лет, но закончиться должна была она совсем по-другому, после победы и торжественной встречи героев-казаков на станичном майдане.

Больше всего на словах неистовствовали старики. Они были первыми, кто ратовал на выборах в Учредительное собрание за всероссийскую казачью партию. Она набрала в Донецком округе почти четверть всех голосов.

Казакам, конечно, нравилось многое в программе этой партии. Это и сокращение сроков действительной казачьей службы, а также пребывания в запасе, и отмена сборов на службу за свой счёт, и столь желанная прирезка земли для того, чтобы компенсировать рост казачьего населения. Всё это подходило самим казакам, но не новой власти, и после того как было объявлено о роспуске Учредительного собрания в Петрограде, распустились также и отделение казачьей партии в окружной станции Каменской. Советы были объявлены представителями интересов всех без исключения дружественных групп населения. Спорить с этим никому не позволялось.

В феврале 1918 года бураны и метели разгулялись вовсю. Все дороги в юрте станции Гундоровской стали непроезжими. А власти, которая бы вывела обывателей на работы по их расчистке, не было. Старую атаманскую вроде бы оставили, а новым властителям было не до дорог. К тому же вряд ли кто-то слушал бы их и замаривал свою скотину и себя на расчистке путей, по которым привозили только грозные распоряжения и увозили людей. Навсегда.

Как-то само собой прекратилась караульная служба на

окраинах хутора и на церковной колокольне. Опустело хуторское правление и перестали говорить о том, о чём толковали без умолку уже несколько недель. Но события продолжали идти своей чередой.

В воскресный день после обеда в уже не охраняемый хутор въехала пара саней. На передних был заместитель Мажарова, работник Сорокинского рудника Пётр Волохов.

Сам Михаил Мажаров в хутор, в котором от его руки погиб всеобщий любимец Кирюша, решил не ехать, но и заместитель, и сопровождающая его ватага вооружённых людей чувствовали себя

ков, не побоявшийся пойти на собрание, хотя все знали, что именно с его двора началась заваруха с продотрядом в хуторе, громко проговорил:

- Отцы, деды и прадеды жили с атаманами, а теперь раз — и всё по-другому!

Волохов тут же ему ответил:

- Да, по-другому жить будем, по-народному и для народа.

- А казаки что, не народ? Вы бы у нас хоть что-нибудь спросили, чего мы хотим.

Спрашивать никто из прибывших ни у кого не стал. Даже голосовать не предложили за Николая Закутнова, уроженца хутора Швечикова, выбившегося из казачьего

огнестрельного и холодного оружия и предупреждение о наказании. Оно было суровым, вплоть до предания суду военно-революционного трибунала.

Все понимали, что прибывшая делегация малочисленная и прямо сейчас по дворам не пойдёт, чтобы начать обезоруживание. Дай Бог самим убраться из хутора подброду.

Хуторской атаман Тимофей Богучарсков на собрание в школу не ходил. И так понимал, чем всё закончится. Писарь Фетисов, прибежавший с собрания, всё ему обсказал — и тут же вопрос:

- А дела атаман будет сдавать?

- Какие дела? У нас свои, у них другие. Без атаманской насадки они обойдутся, а печать тоже им наша не подходит. Давай спрячем всё это, да подальше, чтоб никто ничего не сыскал. Не навсегда же это недоразумение!

Тимофей Богучарсков следующим утром пришёл в хуторское правление. Сел на своё любимое место у окна. Перед глазами был обезлюдивший хутор. Никто без особо важной надобности из своих куреней не выходил.

Больше десяти лет Тимофей правил жизнью казаков в хуторе. Ни одна мелочь не ускользала от его внимательных глаз. Привык он, сжился с таким положением, хоть и не было ему покоя ни днём, ни ночью, а всё же оставаться ему без этого бремени не хотелось. Затянул омут общественных дел, потому он и свои семейные дела всегда на второе, а то и третье место в жизни ставил. За что ему всегда выговаривала жена, хотя и понимала, что он не исправим.

Выйдя из правления, Тимофей на замок его закрывать не стал. Знал же, что никто из своих в это помещение без спросу не войдёт, а новые начальники, если захотят, то и спрашивать никого не будут.

Вновь назначенный представитель советской власти Николай Закутнов в хуторе оставаться не стал, понимая, что очень опасно, и уехал с сорокинской делегацией в шахтёрский посёлок.

Вывод казаки сделали такой: пока оружие не изымут, всё будет оставаться по-прежнему. Потому и безвластие в степных хуторах станицы Гундоровской продлилось до начала марта 1918 года.

К доставке донесений между хуторами приставили казаков-малолеток, а ещё казачьих вдов. Когда те заезжали в хутор и их останавливал красногвардейский пикет, то они сразу в крик, так, мол,

и так, еду к родственникам мужа отметить годовщину смерти своего незабвенного и помянуть душу погибшего на фронте. Всё это обильно приправлялось слезами и громкими причитаниями, и тогда вдову пропускали безо всякого досмотра.

Донесения из хуторов внимательно прочитывались на сходках казаков. Однако, на этих клочках бумаги радостного ничего не сообщалось. То перечислялось, сколько пудов хлеба изъято по продразверстке, то сообщались фамилии тех казаков, в основном офицеров, которых забрали в Луганск для проверки.

К тому времени уже все офицеры, также объявленные бывшими, были занесены представителями новой власти в особые списки. На букву «Ш» в таком списке значился молодой хорунжий Антон Швечиков. На этой же странице — фамилии трёх станичников Шляхтиных, полковника, есаула и сотника. Все потомственные военные. Дополнительно туда же вписали юнкера Трифона Шляхтина. Вроде не офицер, чтобы в таком списке числиться, но председатель Сорокинского совета Мажаров, просмотрев столбцы с фамилиями, дал чёткое указание:

- И юнкеров, и кадет, всех до одного впишите, которые из Новочеркасска воротились. Ещё те волчата вырастут.

Когда приехал большой отряд из Сорокина и объявил о сдаче оружия, в бывшем хуторском правлении даже пол им не покрыли. В основном лежали связками австрийские штыки, которыми было очень удобно резать свиней, с десятком дедовских шашек и столько же дробовиков да пару карабинов без затворов. Остальной арсенал по-прежнему был на руках у казаков.

Увидев такую картину, Закутнов проговорил:

- По весне всё всплывёт. Не раньше.

Он как в воду глядел. Весной, и вправду, грянуло восстание гундоровских казаков.

**Сергей Сполох,
член Союза
писателей России**

Примечание:

Все иллюстрации, использованные в настоящей статье, взяты из архива автора и общедоступных источников.

Повозка с лошадью зимой.

Вид на Северский Донец с правого берега.

неуютно, лоя ненавидящие взгляды хуторян.

По причине морозной погоды всех обывателей собирать не стали, а скликали только десятидворных. Те заходили в самый большой класс церковно-приходской школы, долго отряхивали снег с одежды и обметали валенки и в это же время внимательно следили за прибывшей делегацией из Сорокина. Пытались определить, чего от неё можно было ждать.

Волохов достал из-за пазухи измятый в пути лист бумаги и прочитал постановление Сорокинского совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Больше всего собравшимся казакам не понравился пункт первый, по которому прежняя атаманская власть повсеместно упразднялась.

Десятидворец Бахчевни-

сословия за пару лет до Великой войны и пошедшего на неё простым солдатом. Но с войны он вернулся уже совсем другим. Стал членом совета 34-й пехотной дивизии, в которой служили уроженцы Екатеринославской губернии, граничившей с Областью войска Донского. Казачьего в нём ничего уже почти не осталось, даже чуб выстриг и старался в разговоре избегать слов из донской гутарки. Вот он и был рекомендован на работу по месту своего прежнего жительства в хуторе Швечикова.

Казаки снова только руками развели, мол, зачем нас собирали, если голосовать не надо, уже всё и так решили.

Но оказалось, что был ещё один вопрос повестки дня хуторского собрания. Председательствующий зачитал постановление о сдаче всех видов

